

ЧЕРНЫХ ВАРВАРА ИГОРЕВНА

**ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНФУЦИАНСКОЙ ТРАДИЦИИ
НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВВ.:
ФИЛОСОФИЯ БОСТОНСКОЙ ШКОЛЫ**

Специальность 09.00.03 – История философии

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание степени
кандидата философских наук

Работа выполнена на кафедре истории философии Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов» (РУДН).

Научный руководитель: **Киселев Валерий Анатольевич**
кандидат философских наук, доцент кафедры истории философии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

Официальные оппоненты: **Буров Владлен Георгиевич**
доктор философских наук, профессор, профессор МГПУ, главный научный сотрудник сектора философских проблем политики Института философии Российской академии наук, советник Международной Конфуцианской ассоциации

Лукьянов Анатолий Евгеньевич
доктор философских наук, профессор, руководитель Центра сравнительного изучения цивилизаций Северо-Восточной Азии Института Дальнего Востока Российской академии наук

Дзикович Дарья Сергеевна
кандидат философских наук, старший редактор компании «Catering Management Ltd.» (КНР, г. Шанхай)

Защита состоится «25» декабря 2020 года в «14:00» в ауд. 415 на заседании диссертационного совета ПДС 1000.001 (философские науки) на базе Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов» (РУДН) по адресу: 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6.

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в Учебно-научном информационном библиотечном центре РУДН (УНИБЦ РУДН) и на сайте РУДН <http://dissovet.rudn.ru>

Автореферат разослан «21» декабря 2020 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета ПДС 1000.001
доктор философских наук, профессор

О. В. Чистякова

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Конфуцианская мысль в ее современной интерпретации берет начало с середины XIX века и связана с политикой экономической самоизоляции Китая. В результате Поднебесная потерпела поражение в двух опиумных войнах, так как уровень технической оснащенности сильно уступал Западу. Как итог – частичная потеря суверенитета и массовое проникновение в Китай западной общественно-политической мысли. Конфуцианская мысль, будучи в статусе общегосударственной идеологии, претерпела новую трансформацию, «впитав» в себя элементы западных философских течений, что было базой для формирования современного конфуцианства, основной проблематикой которого стал поиск оптимальной модели взаимодействия китайской традиционной культуры с западной мультикультурной цивилизацией.

Возможно ли было в рамках такого взаимодействия, с одной стороны, сохранить духовное наследие Поднебесной, а с другой – значительно «обогатить» ее за счет достижений западной философской мысли?

В качестве одной из наиболее структурированных попыток «адаптировать» конфуцианство, обновив его проблематику до реалий современного Запада, а, возможно, затронув социокультурные проблемы всего мира, может выступить научно-исследовательское направление «Бостонской школы современного конфуцианства» во главе с Ду Вэймином (Tu Wei-ming, 杜维明, род. 1940) из Гарвардского университета и Робертом Каммингсом Невиллом (Robert Cummings Neville, 南略山, род. 1939) из Бостонского университета.

Исторически сложилось таким образом, что конфуцианство конца XX начала XXI в. мыслилось китайскими учеными в рамках двух векторов развития, которые можно условно обозначить как «от Китая к Западу» и «от Запада в Китай». Такое деление обусловлено формированием различных «взглядов» на китайскую цивилизацию как самих китайских мыслителей, так и их западных коллег. При этом основная тематика их работ затрагивает схожие темы: «религиозность»

конфуцианства, связи с современным миром, роли конфуцианской этики в формировании межличностных отношений, возможности применения тех же понятий в существующей системе ценностей. Филологический аспект играет немаловажную роль в построении коммуникации между людьми и раскрытии всех возможностей конфуцианской мысли в рамках современного мира. Частным случаем такого рода «реинтерпретации» являются работы бостонских ученых, для которых конфуцианство всегда рассматривается как непрерывная, со времен Конфуция, традиция.

Их философские поиски принесли свои плоды: вдохновившись их деятельностью, в 2015 году возникла студенческая организация «Конфуцианская ассоциация Бостонского университета», которая, под эгидой модернизации и глобализации конфуцианской этики, до сих пор ведет свою деятельность¹.

Связь теоретических построений и возможности их применения на практике (в частности, в образовательной деятельности), описанные в современных публикациях о роли и сущности современного конфуцианства, в значительной мере обуславливают актуальность поставленной в теме диссертационного исследования проблемы. Актуальность же выбора Бостонской школы в качестве предмета исследования обусловлена несколькими факторами: с одной стороны, более общими, затрагивающими современную философскую мысль в целом и представляющие для нее определенный интерес; с другой – частными, представляющими определенную ценность в рамках изучения конкретной философской традиции.

Также немаловажным фактором актуальности изучения конфуцианства в его современном варианте является практически полное отсутствие – на сегодняшний день – полноценных переводов трудов Р.К. Невилла и Ду Вэймина на русский язык, хотя на Западе их разработки стали предметом дискуссии относительно

¹ Подробнее см.: Конфуцианская ассоциация Бостонского университета [Электронный ресурс] / Boston University Confucian Association – Электрон. дан. – Бостон, 2015. Режим доступа: <https://www.bu.edu/chapel/life/boston-confucianism/> (Дата обращения: 15.01.2020).

использования в качестве материала для построения диалога с Китаем, с одной стороны, и «обогащением» культуры США, с другой ².

Цель и задачи диссертационного исследования. Целью диссертационного исследования является выявление особенностей употребления классических конфуцианских понятий в современной философской мысли, а также определение путей и результатов трансформации конфуцианских понятий на примере философских концепций Бостонской школы современного конфуцианства.

Для реализации обозначенной цели необходимо последовательно решить следующие **задачи**:

- 1) определить предпосылки возникновения школы Бостонских конфуцианцев и ее проблематику;
- 2) раскрыть особенности и механизмы трансформации традиционных конфуцианских понятий в сочинениях представителей Бостонского конфуцианства;
- 3) определить базовый понятийный аппарат конфуцианской традиции, применяемый в Бостонской школе, а также выявить мировоззренческие и общекультурные причины интереса к этим понятиям;
- 4) определить основные сферы применения идей Бостонской школы современного конфуцианства в проблемах культуры и образования и оценить возможную действенность концепции для решения актуальных проблем современной философии.

Объектом диссертационного исследования являются основные конфуцианские понятия на рубеже XX–XXI вв.

Предметом исследования выступает трактовка основных понятий в Бостонской школе современного конфуцианства и их применение на практике через «Конфуцианский проект».

² Подробнее см.: *Liu Shu-hsien*. Confucianism as world philosophy: a response to Neville's Boston Confucianism from a Neo-confucianism Perspective // *Journal of Ecumenical Studies*. Vol.40 (1/2), 2003. P. 59-73; *Paramore K.* "Civil Religion" and Confucianism: Japan's Past, China's Present, and the Current Boom in Scholarship on Confucianism. // *Journal of Asian studies*. Vol. 74, n 2. 2015. P. 269-282; *Confucianism and Spiritual Traditions in Modern China and Beyond*. Ed. Fenggang Yang, Tamney J. – Leiden: Brill, 2011.P. 131-147; *Foust M.A.* Confucianism and American Pragmatism. // *Philosophy Compass*. Vol. 10(6), 2015. P. 369-378; *Solé-Farràs J.* Harmony in Contemporary New Confucianism// *China Media Research*. 4(4), 2008.P. 14-24.

Степень научной разработанности темы исследования. В российской науке Бостонская школа не была предметом подробного детального анализа. Имеющиеся на русском языке исследования носят либо обзорный, либо общетеоретический характер.

Посвященные Ду Вэймину и Р.К. Невиллу статьи в словаре «Китайская философия: энциклопедический словарь», также как и в томе «Философия» энциклопедии «Духовная культура Китая» принадлежат перу А.В. Ломанова³.

В.Г. Буров в работах «Модернизация тайваньского общества» и «Китай и китайцы глазами российского ученого» привлекает отдельные идеи Ду Вэймина при изложении концепций модернизирующегося конфуцианства⁴.

В «Философии китайского неоконфуцианства» А.И. Кобзев уделяет немалое внимание подходу Ду Вэймина к изучению конфуцианства⁵.

Статья Н.В. Тереховой «Понятие конфуцианской традиции в Бостонской школе» посвящена обзору базовых понятий, которые затрагивают в своих исследованиях бостонские ученые, поднимает вопрос определения философско-культурной идентичности, описывая ее в контексте традиций классического конфуцианства и неоконфуцианства⁶. Также краткий обзор понимания конфуцианской традиции Ду Вэймином был сделан Э.Э. Федоровой и Л.Б. Кареловой в соавторстве с С.В. Чугровым⁷.

Концепции данной школы также упоминаются в диссертационных исследованиях. Например, в работе Э.Р. Фахрудиновой «Проблема мудрости и морали в философии Конфуция» в контексте противостояния взглядов Ду Вэймина

³ Ломанов А.В. Ду Вэймин. Невилл Р. К. //Китайская философия: энциклопедический словарь. Под ред. М.Л. Титаренко. М., Мысль, 1994. С. 113-114, 239-240; *Он же*. Ду Вэймин. //Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. М.: Вост. лит., 2006. Т. 1. Философия. Ду Вэймин. С. 249-250.

⁴ Подробнее см. Буров В.Г. Модернизация тайваньского общества. М.: ИФРАН, 1998. С. 155-194; *Он же*. Китай и китайцы глазами российского ученого. М.: ИФРАН, 2000. С. 115-155.

⁵ Подробнее см.: Кобзев А.И. Философия китайского неоконфуцианства. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002. С. 40-44.

⁶ Терехова Н. В. Понятия конфуцианской традиции в Бостонской школе современного конфуцианства // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири «Magister Dixit» / №4(12). Декабрь 2011.

⁷ Федорова Э. Э. Третий этап конфуцианства в осмыслении Ду Вэймина. // Регионоведческие чтения: Азиатско-тихоокеанский регион в диалоге языков и культур. 2018. С. 98-103. Краткие обзоры также см., например: Карелова Л.Б., Чугров С.В. Ту Вэймин и «Новое конфуцианство». // Полис. Политические исследования. 2012. №1. С. 188-189.

и Р.К. Невилла и неамериканских синологов⁸. В работе М.А. Хаймурзиной «Интерпретация религиозных оснований конфуцианства в конфуцианской мысли и религиоведении Китая XX-XXI вв.» затрагивается только аспект религии как трансформации человека, общества и культуры, которые упоминаются представителями Бостонской школы в их совместной работе «Бостонское конфуцианство: динамика традиции в современном мире» («Boston Confucianism: Portable tradition in the Late-Modern World») ⁹. Также отдельно деятельности Ду Вэймина посвящена статья Н. И. Мигунова «Конфуцианский путь Ту Вэймина»¹⁰. В книге А. П. Шилова «Конец древности» есть упоминания о концепции «Культурного Китая», разработанной Ду Вэймином как возможный способ выхода Китая из духовного кризиса XXI века¹¹. Отдельно есть реферативный перевод открытой лекции Ду Вэймина, прочитанной на XXIV Всемирном философском конгрессе в г. Пекине в 2018 году ¹². Также есть реферативный перевод его книги «Confucian Traditions in East Asian Modernity: Moral Education and Economic Culture in Japan and the Four Mini-Dragons.», сделанный К.А. Уховой, где вкратце излагаются его основные взгляды на модернизацию конфуцианской этики, образования как на Востоке, так и на Западе, а также тезисно изложены положения

⁸ Фахрудинова Э. Р. Проблема мудрости и морали в философии Конфуция. Диссертация... кандидата философских наук: 09.00.03 / Фахрудинова Эльмира Рэстэмовна; [Место защиты: Саратовский гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского]. – Саратов, 2012; Также отдельные положения отражены в диссертации Е.А. Юйшиной. См: Юйшина Е.А. Конфуцианский рационализм как духовный ресурс цивилизационного развития. Диссертация... кандидата философских наук: 09.00.03 / Юйшина Елена Александровна; [Место защиты: Читинский гос. ун-т.] – Чита, 2004

⁹ Подробнее см.: Хаймурзина М. А. Интерпретация религиозных оснований конфуцианства и конфуцианской мысли и религиоведения Китая XX – начала XXI в. диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.14 / Хаймурзина Мария Ахатовна; [Место защиты: Амурский гос. ун-т]. – Благовещенск, 2014; *Neville, R. C.* Boston Confucianism: Portable Tradition in the Late-modern World. – NY: State university of New York press, 2000; также подробно о религии как трансформации см.: *Neville R. C.* Ritual and Deference: Extending Chinese Philosophy in a comparative Context. Ed. Roger T. Ames. – NY: State University of New York Press, 2008. – (SUNY series in Chinese Philosophy and Culture); *Tu Weiming.* Humanity and Self-Cultivation: Essays in Confucian Thought. – Boston: Cheng and Tsui Company, 1998; *Tu Weiming.* Centrality and Commonality: an essay on Confucian religiousness. Ed. Roger T. Ames – NY: State University of New York Press, 1989. – (SUNY series in Chinese Philosophy and Culture); *Tu Weiming.* Confucian Thought: Selfhood as creative transformation. / ed. Neville R.C. – NY: State University of New York Press, 1985. – (SUNY series in Chinese Philosophy and Culture).

¹⁰ Подробнее см.: Мигунов Н. И. Конфуцианский путь Ту Вэймина. // Век глобализации. Выпуск №1(13) – Волгоград, 2014. С. 13-16.

¹¹ Шилов А. П. Конец древности: о духовном кризисе современного китайского общества и поиске новых ценностей. – М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2009. С. 134-141.

¹² См., например: Ту Вэймин. Личность, социум, Земля и Небо. // Век Глобализации. – М. №2(30). 2019. С. 16-37.

относительно конфуцианского гуманизма¹³. В 2019 г. вышла статья В.В. Сухомлиновой, где проводится краткий сравнительный анализ методологии Ду Вэймина и теорий интерпретации культуры А.В. Смирнова и К. Гирца¹⁴.

На Западе вопросы, которые поднимают в своих работах представители Бостонского конфуцианства, представляют научный интерес, в первую очередь, с точки зрения возможности хотя бы частичной реализации того «Конфуцианского проекта», о котором говорят Ду Вэймин и Р.К. Невилл. Ведутся дискуссии не только среди синологов, но и среди теологов и специалистов по Западной философской традиции¹⁵. Главным образом это работы, связанные с поиском практического применения конфуцианских принципов на практике.

Естественно, дело не ограничивается сугубо научными трудами, есть также и научно-популярные работы¹⁶. В данной диссертационной работе основное внимание будет уделяться работам Р.К. Невилла и Ду Вэймина, в которых раскрываются основные положения Бостонской школы.

Также немаловажно отметить работы немецко-американского теолога П. Тиллиха (1886–1965), которыми, во многом, вдохновлялся Р.К. Невилл, а также работы некоторых коллег Р.К. Невилла, которые разбирали конфуцианскую мысль с т.з. ее влияния на общемировой дискурс¹⁷.

¹³ *Ту Вэймин*. Разные взгляды на современность: о сущности Восточноазиатской модели современности. // *Век Глобализации*. – М. №1(13). 2014. С. 3–12.

¹⁴ Подробнее: *Сухомлинова В.В.* Интерпретация культуры в философии Ду Вэймина. // *Вестник ВГУ. Серия: Философия*. Воронеж: Изд-во ВГУ. №3 (33). 2019. С. 151–160.

¹⁵ Подробнее см.: *Chapman J. H., Franckenberry N. K.* Interpreting Neville. – Albany: State University of New York Press, 1999; *New Confucianism: A Critical Examination*. Ed. by J. Makeham. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2003; *Alitto G. S.* The Last Confucian: Liang Shu-ming and the Chinese Dilemma of Modernity. – Berk. : University of California Press, 1986; *Cheng Chung-ying.* New dimensions of Confucian and Neo-Confucian philosophy. – Albany: State University of New York Press, 1991; *Jensen L.M.* New Confucianism // *Encyclopedia of Contemporary Chinese Culture* / ed. Edward L. Davis. – London: Routledge, 2005; *Norden B. W. Van.* Review to «Boston Confucianism: Portable tradition in the Late-Modern World» by Neville R.C. // *Philosophy of East and West*. – 2003. – Vol.53. №3. – P. 413–417; *Self as Person in Asian Theory and Practice* / ed. by Ames R. T., Kassulis T., Wimal Dissanayake. – Albany.: State University of New York Press, 1994; *Sor-hoon Tan.* Confucian democracy: a Deweyan reconstruction. – Albany: State University of New York Press, 2003; *Confucianism in action*. / ed. by David S. Nivison, Arthur F. Wright, with contributions by Wm. Theodore De Bary [and others] – Stanford: Stanford University Press, 1959; *The East Asian region: Confucian heritage and its modern adaptation*. / ed. by Gilbert Rozman. – Princeton: Princeton University Press, 1991; *Confucianism for the modern world*. / ed. by Daniel A. Bell, Nahm Chaibong. – New York: Cambridge University Press, 2003.

¹⁶ Подробнее см.: *Canright R. E. Jr.* Lasting Happiness: Timeless Secrets to Transform Your Life. – Bloomington: «Author House», 2005; *Confucius in the boardroom: ancient wisdom, modern lessons for business* / compiled and adapted by Stefan Rudnicki. – Los Angeles: Dove Books, 1998.

¹⁷ См. например: *Тиллих П.* Избранное. Теология культуры. – М.: Юрист, 1995; *Fingarette H.* Confucius: The Secular as Sacred. New York: Harper & Row, 1972; *Tse-Chang C.F.* “The Confucian View of World Order”. / ed. by Janis M.W. – Netherlands: Martinus Nijhoff Publishers, 1991. P. 45–69.

Теоретико-методологические основы диссертационного исследования.

На основе сопоставления исторических событий, рассмотрения философских и социокультурных связей дает возможность более глубокого осмысления поставленной цели.

Наиболее перспективным в данном случае представляется использование герменевтического метода. Также здесь необходима и философская компаративистика для того, чтобы было возможно проследить динамику изменений понятий и тех параллелей, которые проводят сами «бостонцы» в своих исследованиях.

В основном фокусе исследовательского внимания оказывается текст и соответствующие ему категории.

В используемых источниках авторы опираются, с одной стороны, на категории древнекитайской конфуцианской философии, а с другой – на достижения американской философии прагматизма Ч. С. Пирса и Дж. Дьюи¹⁸

Методы исследования. В ходе написания диссертационного исследования автор использовал преимущественно компаративный анализ, принцип культурного релятивизма и герменевтический анализ понятий. В соответствии с задачами, поставленными в диссертации, отдельно были использованы методы сравнительного анализа.

Научная новизна диссертационного исследования. Диссертация является первым в российской синологии исследованием, посвященным комплексному изучению трактовки понятийного аппарата конфуцианства в интеллектуальной традиции конца XX – начала XXI вв. на примере опыта Бостонской школы современного конфуцианства.

Новизна диссертационного исследования определяется совокупностью следующих признаков:

¹⁸ Подробнее см.: *Neville R.C.* Boston Confucianism: Portable tradition in the late-modern world. – Albany : State University of New York Press, 2000 ; *Neville R. C.* Ritual and Deference: Extending Chinese Philosophy in a comparative Context. Ed. Roger T. Ames. – Albany: State University of New York Press, 2008; *Tu Wei-ming.* Confucian Thought: Selfhood as creative transformation. – Ed. Neville R.C. – Albany: State University of New York Press, 1985.

– определено, что введенные в научный оборот бостонскими конфуцианцами понятия (*self-cultivation, inclusive humanism, eastern humanism* и др.), разработанные в качестве «реинтерпретирующей» основы, активно используются в современных синологических исследованиях.

– продемонстрировано, что бостонские конфуцианцы предложили иную трактовку устоявшихся понятий (например, человеколюбия и ритуальной благопристойности), поставив во главу угла «переосмысление» древнекитайской философии в контексте современных проблем в таких сферах человеческой жизни, как образование, экология и проч.

– определено что бостонцы выстраивают обновленную систему ценностей, пытаясь объединить их в единый «Культурный проект», цель которого – построить общее, понятное для всех дискуссионное поле, которое могло бы позволить построить диалог «Восток-Запад».

– было также выявлено, что методология Бостонской школы современного конфуцианства интерпретирует конфуцианские понятия, используя для этого западную теорию, в частности, семиотику Ч.С. Пирса, инструментализм Дж. Дьюи и «философию процесса» А.Н. Уайтхеда.

Положения, выносимые на защиту:

1. Бостонские ученые ввели в оборот обновленный вариант конфуцианских понятий, успешно применяемый в зарубежных публикациях. В частности, понятие человеколюбие выступает как «межличностное взаимодействие» (*human-relatedness*), а также понятие «совершенствования своего "Я"» (*Self-Cultivation*) как английский аналог (*сю шэнь, 修身*).

2. Они также предлагают новую трактовку понятий. Для них человеколюбие является смыслообразующим элементом для всех последующих этических норм, комплексно взаимодействующих в конфуцианском устройстве общества, а ритуальная благопристойность выступает как своего рода проявление человеколюбия.

3. «Культурный проект», как более расширенная версия концепции «Культурного Китая» Ду Вэймина, на базе которого бостонские ученые выстраивают обновленную систему ценностей, носит междисциплинарный и межкультурный аспекты, и направлен не только на обновление китайской культуры, но и на построение равноправного диалога «Восток-Запад». В качестве примера могут выступить их разработки в области экологии и образования.

4. Основополагающей методологической базой для «реинтерпретации» конфуцианских понятий для бостонских ученых стали идеология и методология прагматизма в трех направлениях: семиотической теории Ч.С. Пирса, инструментализма Дж. Дьюи в интерпретации Ху Ши и «философии процесса А.Н. Уайтхеда. Прагматизм дает возможность взглянуть на все возможные явления как источники интерпретации их субъектом. Отсюда события прошлого и культурные явления настоящего тоже подпадают под интерпретацию, причем, туда же включается и личный опыт, и мировоззренческие установки, которые помогают сформулировать определенного рода критерии, необходимые для проверки нашего знания о явлении.

Научно-теоретическая и практическая значимость исследования обусловлены преимущественно тем, что содержащийся в нем фактический материал и результаты исследования могут быть применены в ходе дальнейшей разработки китайской мысли конца XX – начала XXI вв. при изучении различных методологий для изучения философской традиции Китая. Представленные результаты исследования могут быть использованы для подготовки учебно-методических пособий, лекционных курсов по истории китайской философии, а также тематических семинарах, посвященных современной китайской философской мысли.

Апробация результатов диссертационного исследования. Основные положения и выводы диссертационной работы были обсуждены на заседании кафедры истории философии Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский Университет Дружбы Народов» и нашли отражение в 7 публикациях по теме исследования, 2 из которых были опубликованы в научных журналах, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, 3 статьи – в сборниках конференций, проиндексированных в базе данных Web of Science¹⁹. Автор выступал с промежуточными результатами исследования на научно-практических конференциях-семинарах в России и за рубежом. Отдельные положения диссертационного исследования были освещены на двух Международных конференциях-семинарах «Система Планета Земля», секция «Социосфера» (2018 и 2020 г., МГУ им. Ломоносова); International Conference on Education, Language, Art and Intercultural Communication (ICELAIC) (2017, Henan University Minsheng College, Kaifeng, China); International Conference on Economic Development and Education Management (ICEDEM) (2017, Dalian, China); International Seminar on Education, Teaching, Business and Management (ISETBM) (2019, Moscow, Russia); на Международной научно-практической конференции «Современное образование, социальные и гуманитарные науки. Философия человека как проблема междисциплинарных исследований» (2020, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия).

¹⁹ Подробнее см.: *Kiselev V.A., Chernykh V.I.* “The Spiritual Crisis of Modernity and Tu Wei-Ming’s Concept of Self-Cultivation”. Proceedings of 4th International Conference on Education, Language, Art and Intercultural Communication (ICELAIC 2017). Moscow: Atlantis Press. 2017 P. 606–608; *Kiselev V. A., Chernykh V. I., Nimenskaya O.S.* “New Approaches to the Concept of the Knowledge in Chinese Philosophy of the second Half of the Twentieth Century”. Proceedings of the 2017 International Conference on Economic Development and Education Management (ICEDEM 2017). Vol.107. Dalian: Atlantis Press. P. 373–375; *Черных В.И.* Категория «Культивирования собственного "Я"» и ее применение в модели либерального образования. / В.И. Черных // Вестник Российского Университета Дружбы Народов. Серия: Философия. 2016 №3. – М.: Изд-во РУДН. С. 119–123; *Онуфриева В.И.* Концепции личности в Бостонской школе нового конфуцианства. / В.И. Онуфриева // Вестник Российского Университета Дружбы Народов. Серия: Философия. – №4. – М.: Изд-во РУДН, 2015. С. 199–209. *Chernykh V.I.* “Boston Confucianism “Self-Cultivation” Concept as Socio-Cultural and Worldview Competency Tool in Liberal Arts’ Education.” International Seminar on Education, Teaching, Business and Management (ISETBM 2019), 2019. P. 261–263.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Научные положения диссертации соответствуют содержанию специальности 09.00.03 «История философии». Результаты проведенного исследования соответствуют области исследования специальности.

Структура и содержание диссертации отвечают целям, задачам, объекту и предмету исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, разделенных на параграфы, заключения, списка использованной литературы. Общий объем диссертации – 158 страниц. В списке использованной литературы – 206 наименований.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обосновывается актуальность исследовательской темы, дается характеристика степени ее разработанности, определены объект, предмет, цели и задачи диссертационного исследования, пункты научной новизны и положения, выносимые на защиту. Также формулируются методологические основания диссертации, ее практическая значимость; представлена апробация работы.

В **Главе I «Формирование школы Бостонского конфуцианства»** проводится историко-философский анализ базовых конфуцианских категорий с древности до настоящего времени, а также излагается история формирования школы Бостонского конфуцианства и в целом становление современного конфуцианства и его проблематики, на базе которой Ду Вэймин и Невилл Р.К. конструируют свои философские воззрения.

В **первом параграфе «Исторические предпосылки возникновения конфуцианства современного типа»** представлен историко-философский обзор становления конфуцианской проблематики; особенное внимание обращается на те её аспекты, которые представляют наибольший интерес для самих бостонских учёных, рассматривающих динамику развития этой древнекитайской школы мысли, начиная от самого Конфуция и его ближайших учеников, и заканчивая непосредственно современностью, имеющей своё выражение в интенсификации внешних контактов Китая с остальным миром.

Раннее конфуцианство, возникнув в определённых историко-культурных условиях, заложило фундамент для последующего развития древнекитайской мысли. Будучи продуктом эпохи всевозможных раздоров, оно было сконцентрировано на вопросах этики, практики человеческих взаимоотношений, и соотношения государства и общества. Несмотря на наличие известной разницы в философских текстах, вырисовывались определённые общие черты рассуждения и базовая терминология: «человеколюбие», «долг», «ритуал», «знание», «преданность другим» и проч.

Однако всё это, даже с затрагиванием антропологического вопроса, не переходило «сферы общественного» и было нацелено на формирование тех принципов, которые могли бы помочь преодолеть раздробленное состояние китайской государственности.

В период с III в. до н. э. и до IX в. н. э. можно обозначить как период ханьского конфуцианства, когда эта философская система впервые становится официальной государственной идеологией. Ведущую роль в данном процессе сыграл философ Дун Чжуншу. В полном соответствии с конфуцианскими идеалами, на первое место выдвигалась не знатность происхождения, а уровень знаний, включавший в себя в т. ч. знание классических конфуцианских текстов.

Новый этап в развитии конфуцианства наступил в VI-VII вв. н. э., когда Китай вновь обрёл единство сначала под управлением династии Суй, а затем под управлением династии Тан. Во вновь объединённом Китае конфуцианство заняло лидирующие позиции официальной идеологии, однако те вызовы ему, которые возникли в эпоху смут, уже не удовлетворяли положения ханьского конфуцианства, которые требовали значительного переосмысления. Во многом это связано с подъёмом двух других крупных направлений китайской мысли: даосизма и китайского буддизма. Первый выступал оппонентом конфуцианства с древних времён, но в эпоху после распада империи Хань значительно потеснил его. Что же до второго, то он представлял из себя принципиально новое учение, принесённое из Индии, которое, при этом, значительно китаизировалось и развилось в нечто самостоятельное и независимое от своих индийских корней. Полемика с даосами и буддистами вынуждала представителей конфуцианства вновь переосмысливать собственное учение и этот процесс привёл к возникновению неоконфуцианства, доминировавшего в интеллектуальной жизни Китая вплоть до Синьхайской Революции.

Второй параграф «Новое конфуцианство в 40-х гг. XX века: дискуссия "западников" и "постнеоконфуцианцев"» посвящен дискуссии «западников» и «постнеоконфуцианцев» и тем проблемам, с которыми столкнулось конфуцианство в первой половине XX вв.

События этого времени (Синьхайская революция, «эра милитаристов», «Северный поход» НРА и проч.) привели к фундаментальным трансформациям китайского государства, общества и культуры. С отречением маньчжурской династии закончилась эпоха монархического правления в стране, а усиление всевозможных локальных военных клик отдалённо напоминало о древних временах раздробленности страны. В то же время более не существовало каких-либо искусственно навязанных ограничений по контактам с иностранцами и заимствованиям у них как технологических достижений, так и элементов западной философии. Однако для неоконфуцианской мысли подобное положение дел оказалось серьёзным вызовом; не последнюю роль сыграло то обстоятельство, что в это смутное время «школа учёных» стала восприниматься как один из «столпов» китайского монархизма, заслуживающего упреков в «реакционности» по отношению к новым более прогрессивным идеям; знаковыми выглядят дебаты между «отцом нации» Сунь Ятсеном и представителями конфуцианства того времени (например, Кан Ювэйем). Поэтому, к 1940-м годам потребность в кардинальном переосмыслении положений конфуцианства стала ощущаться его сторонниками как никогда остро. С одной стороны, требовалось подвергнуть критике как сторонников «западничества» среди китайских интеллектуалов, так и саму западную философию. С другой стороны, для достижения этой задачи ознакомление самих конфуцианцев с зарубежной мыслью становилось насущной потребностью, реализация которой вела не только к критике, но и к косвенному восприятию отдельных аспектов и, как следствие, переосмыслению собственного учения. Таким образом, к 40-м годам под влиянием вышеописанного складывается направление «постнеоконфуцианства», отличающегося большей открытостью к диалогу с другими цивилизациями и культурами.

Третий параграф "Третья волна" нового конфуцианства: Ду Вэймин, Р.К. Невилл, Дж. Бертронг» посвящен преимущественно обзору основополагающих теоретических установок представителей Бостонской школы, что в дальнейшем даст возможность понять необходимость, основные причины и мотивы возникновения и распространения «гуманизма восточного типа» в США.

«Третьей волной» нового конфуцианства принято считать период с 80-х гг. до настоящего времени, и связывают его обычно с именами тех китайских ученых, которые получили образование на Западе и активно взаимодействуют с западным научным сообществом. Изначально понятие «Бостонское конфуцианство» впервые было обозначено у одного из американских ученых-теологов – Роберта Каммингса Невилла (род.1939) в середине 90-х гг. прошлого столетия – во время конференции, посвященной, с одной стороны, проблеме трансформации Китая в его диалоге с Западом и, с другой, противостоянию влиянию последнего. Затем это выступление было опубликовано под заголовком «Короткая счастливая жизнь Бостонских конфуцианцев» в 1994 году в журнале «Дедал». Основной акцент Р. К. Невилла была направлен на отрицание узкого «восточноазиатского» восприятия конфуцианства. В противовес этому выдвигается тезис о глобальном характере этой философской школы и о существовании в ней своего рода «универсальных точек»; именно это делает наследие «школы учёных» привлекательным и понятным даже для человека чуждой культуры. В дальнейшем в качестве одного из сторонников этой концепции выступает Дж. Бертронг (род. 1946), который делает акцент на том, что в процесс глобализации конфуцианской традиции необходимо включить поиск новых форм философских и религиозных смыслов и понятий, благодаря которым возможно было бы создать условия для трансформации конфуцианской традиции в некий универсальный вариант, который, будучи популяризированным в США, а затем, возможно, и в других странах, мог бы стать универсальной ценностно-ориентированной этикой, способной воспитать «Человека Мира»²⁰.

²⁰ Confucianism and Spiritual Traditions in Modern China and Beyond. Ed. Fenggang Yang, Tamney J. – Leiden: Brill, 2011. P. 131–147.

Глава II «Основные идеи, концепции и методологические основы школы бостонского конфуцианства» посвящена базовым установкам философии Бостонской школы современного конфуцианства, благодаря которым будут понятны изначальные причины возникновения «Конфуцианского проекта», а также почему он активно пытается развиваться на западной почве, в частности, в США.

Первый параграф «Семиотика как методологическая основа Бостонской школы современного конфуцианства» посвящен теоретическим и практическим установкам представителей «бостонской школы». Одно из центральных положений занимает такое понятие как *семиотика* или *теория семиозиса*, зачинателем которой является Ч. С. Пирс (1839-1914). Если говорить о преемстве, то, именно его мысль оказала существенное влияние на воззрения Р. К. Невилла, который активным образом привлекает семиотику для своих философских построений, особенно в вопросах религии и ассимиляции китайской философской мысли.

Вторым «столпом» для бостонцев является философия А. Н. Уайтхеда (1861-1947). Здесь более ценным является мысль о взаимосвязи (если не о взаимообусловленности) явления интерпретации и человеческого опыта. Согласно мнению этого американского философа, любая философская система (если она претендует на звание таковой) должна представлять из себя комплекс общих идей, логически связанных между собой; основной функцией же этих общих идей становится соответствующее интерпретирование каждого аспекта человеческого опыта. Чтобы соответствовать данному требованию, эта схема должна удовлетворять двум критериям: применимости и адекватности. В первом случае речь идёт о том, что те или иные аспекты опыта будут интерпретироваться именно так, как предписывается общей схемой, а во втором случае – что та или иная всеобщая схема не будет иметь места для таких элементов опыта, которые могли бы быть интерпретированы по-другому.

Аналитическая философия, прагматизм и теория семиозиса становятся основной базой для построения философской концепции Бостонской школы современного конфуцианства по следующим причинам:

1) любое явление окружающего мира (включая мир социума и культуры) есть знаковая система. Каждый знак содержит в себе определённую интерпретацию, которую человек интерпретирует в своём сознании на физиологическом уровне;

2) любая система интерпретации имеет жёсткую увязку как с конкретным опытом человеческого восприятия, так и с более общими философскими системами;

Иными словами, любой знак является интерпретируемым», «сознание человека не может не интерпретировать и никакая философская система невозможна без контекстуальной интерпретации, даже с учётом общих или универсальных моментов.

Прагматизм дает возможность взглянуть на все возможные явления как источники интерпретации их субъектом. Отсюда события прошлого и культурные явления настоящего тоже подпадают под интерпретацию, причем, туда же включается и личный опыт, и мировоззренческие установки, которые помогают сформулировать определенного рода критерии, необходимые для проверки нашего знания о явлении.

Во втором параграфе «Переосмысление концепции "пяти постоянств": человеколюбие как основа для остальных конфуцианских понятий» подробно рассматривается методологический аспект, на основе которого бостонцы проводят компаративный и герменевтический анализ конфуцианской этики в попытке провести параллели с западной мыслью для наиболее успешной адаптации конфуцианских концепций. Благодаря инкорпорированию идейных постулатов школы «инь-ян» в конфуцианскую мысль в ханьскую эпоху в конфуцианский инструментарий были привнесены традиционные китайские «натурфилософские» категории, выраженные в системе 5 первоэлементов. Впоследствии эти первоэлементы стали коррелятом для конфуцианской идеи 5 постоянств (*у чан*, 五常), которые соотносились с соответствующими первоэлементами, что

устанавливало гармонию между естественным (природным) состоянием вещей и социальными взаимоотношениями внутри человеческого общества.

Бостонские ученые (в частности, Ду Вэймин) в своих работах делают постоянные отсылки как к Чэн Хао и Чжу Си, так и к Ван Янмину, что создает определённую преемственность мысли. И эта преемственность усиливается ещё и тем обстоятельством, что о явлении, родственном «внутренней интуиции» говорит и Ху Ши («творческий разум») и Моу Цзунсань («интеллектуальная интуиция»), также повлиявшие на взгляды представителей Бостонской школы. Таким образом, выстраивается преемственность понятий между конфуцианством в его современном варианте, бостонским конфуцианством и предшествующими этапами развития этой мысли: «Человеколюбие», которое является главным среди прочих «пяти постоянств» (Чэн Хао) может обрести форму «благомыслия», которое возникает в результате «внутренней интуиции» (Ван Янмин), или «творческой интуиции» (Моу Цзунсань), или «творческого разума» (Ху Ши).

Конфуцианство, согласно бостонским ученым, оперирует понятием человеколюбия как своего рода итогом на пути к самосовершенствованию, при этом одновременно воспринимается как внутренняя интенция человека, побуждающая его совершенствоваться. Ритуал же выступает в качестве определенных «границ», в рамках которых мы проявляем нашу природу.

Конфуцианец никогда не откажется от взаимодействия с людьми и функционирования в мире «здесь-и-теперь». Проводя параллели с христианством, Ду Вэймин приходит к выводу, что между человеколюбием и ритуальной благопристойностью есть определенная «напряженность» (*tension* или кит. вариант *чжанли*, 张力), как между Евангелием и Законом. Во многом, ритуальная благопристойность связывает человека с реальностью, однако практически полностью теряет свою ценность, если начинает превалировать над человеколюбием. По сути, он перестает называться человеком. В целом такой вывод вполне коррелируется с практикой жизни, где сакрализация людьми ритуалов приводит к тому, что сам человек начинает забывать их подлинный смысл.

Такая «созидающая напряженность» (*creative tension*), о которой говорил Ду Вэймин, устанавливает взаимозависимые связи между человеколюбием и ритуальной благопристойностью. Человеколюбие выступает здесь как «концепт высшего порядка», который обуславливает соблюдение норм ритуальной благопристойности.

Развивая тему дальше, Ду Вэймин приходит к следующим выводам:

1) любой человек обладает огромными внутренними ресурсами для собственного совершенствования, что дает нам возможность стать кем угодно: буддой, мудрецом или благородным мужем через, так как «буддовость» (*buddahood*), мудрость или путь Дао уже унаследован нашей человеческой природой;

2) путь наивысшего блага, будь то достижение нирваны или достижение Дао – путь долгий и тернистый, и практически невозможно быть полностью уверенным в достижении совершенства.

Следуя этой логике, выходит так, что все остальные «постоянства» становятся своего рода воплощением и проявлением человеколюбия в конкретно взятых ситуациях и основной вопрос заключается в том, где и в каком соотношении их проявлять.

Третий параграф «Две линии» развития Бостонского конфуцианства: религиозная философия Р. К. Невилла и "Культурный Китай" Ду Вэймина посвящен подробному разбору одного из самых спорных аспектов, которые до сих пор вызывают серьезные препятствия на пути «ассимиляции» китайской мысли – сущности конфуцианской традиции и христианства в современном его аспекте. С точки зрения самих бостонцев конфуцианство играет роль определенной «религиозной философии» с элементами трансцендентного, в роли которого может выступать понятие человеколюбия (*жэнь*, 仁), в то время как христианская традиция воспринимается ими скорее в кантовском ключе, где образ Иисуса Христа играет роль «морального идеала» для «вращения» моральных ценностей. По сути, христианство обретает статус «морально-этической» традиции, в то время как конфуцианство становится «религиозной философией».

И Р.К. Невилл, и Ду Вэймин стремятся подвергнуть компаративному анализу метафизические основы западной и китайской цивилизаций, хотя и с разными акцентами. В связи с этим и возникает проблематика философско-религиозной составляющей концепции бостонцев, которая особенно наглядно просматривается в трудах Р.К. Невилла; именно выстраивание конфуцианско-христианского диалога позволит создать тот «базис», на котором можно будет решать впоследствии любые проблемы, начиная от воспитания человека и заканчивая устройством общества и государства. Р.К. Невилл, и Ду Вэймин стараются либо вовсе не затрагивать вопросы теологического характера, либо рассуждать о них с максимально адогматической позиции. Дело в том, что, согласно той же аргументации Ду Вэймина и Р.К. Невилла, китайская традиционная мысль, строго говоря, не отделяет философскую мысль от религиозной, не говоря уже о том, что сами понятия «философия» и «религия» берут свое начало из западной культуры. И, в целом, кроме исследований, проведенных в Китае под влиянием западноевропейской культуры, традиционная мысль вообще не затрагивала вопрос о религиозности тех или иных учений. При этом не отрицается тот факт, что и в китайской философской традиции, и в иной, в том числе западной, есть общие темы, начиная от поиска «смысла жизни», заканчивая общемировоззренческими вопросами.

Говоря иными словами, нет принципиальной разницы в символах самих-по-себе и не столь важен историко-культурный контекст их возникновения, сколько смыслы этих самых символов. И в конфуцианстве, и в христианстве эти символы, фактически одинаковы, так как отсылают к одной и той же области трансцендентного, пускай даже и в столь разных формах. Таким образом удаётся подвести под христианство и под конфуцианство некую «общую базу». Рассуждая далее, Р.К. Невилл вновь возвращается к понятию «греховного (т. е. несовершенного. – прим. авт.) человека».

Третья глава «Проблемы современной культуры как область применения идей бостонских конфуцианцев» посвящена рассмотрению проблем современной культуры с точки зрения ученых бостонской школы современного

конфуцианства. Любопытным аспектом их теоретических построений является желание по максимуму реализовать на практике те установки, которые они выстроили в ходе своей деятельности. Придерживаясь того мнения, что «чем больше возможностей для интерпретации, тем лучше» они сначала последовательно выделяют из всего спектра локальных проблем те, что пересекаются друг с другом, а затем ищут пути решения этих проблем через собственные концепции.

Первый параграф «Кризис современной культуры и пути его преодоления через "духовный поворот" в философии» посвящен проблеме кризиса духовной культуры и пути их преодоления через «возврат к древности», который они назвали «духовным поворотом» в восточной философии.

С одной стороны, влияние философских концепций на жизнь государства, общества, социокультурных образований и людей в целом оставалось достаточно мощным. С другой, китайская философская мысль была традиционно ориентирована на человека и его место в мире, социуме, а его самореализация напрямую влияла на внутреннюю гармонию общества; в итоге, такие установки привели к формированию концепции идеального человека, которая еще со времен Конфуция, Мэн-цзы и Сюнь-цзы долгое время оказывала влияние на культурное развитие китайского общества. Китайские мыслители пытались показать, каким, по их мнению, должен был стать человек, а вместе с ним общество, так как эта тесная взаимосвязь для них имела ценность, соответственно, человеческое самосовершенствование «возвышало» общество, а общество помогало человеку в полной мере реализовать собственный потенциал. Еще в классических конфуцианских текстах можно увидеть утверждения о том, что изначально конфуцианство было направлено на благо всех, как в дальнейшем его охарактеризовал Ду Вэймин «учение сердца и ума».

Установку Бостонского конфуцианства можно объединить в тот тезис, что человек не создан сугубо для реализации своих индивидуалистических (эгоистических) побуждений, но также призван к реализации в рамках социума. Более того, это взаимодополняемые процессы; степень вовлеченности человека в

социум определяет степень реализации собственного «бытия». Без этого невозможно достичь гармонии в обществе и в государстве.

Второй параграф «Либеральное образование как базис для формирования новых ценностей» посвящен потенциальному синтезу конфуцианских понятий с культурой XXI века, особенно в условиях обстановки в сфере высшего образования в США. Кризис высшего образования в США (как можно сделать вывод из заявлений самих бостонцев) заключается в том, что на выходе из родных университетов выпускники имеют слишком узкоспециализированные направления, в рамках которых они получали настолько огромный объём информации, который в дальнейшем им, возможно, будет и не нужен, а главное – из университетов они выходят без всякой нравственной или этической составляющей; университет никак не способствует воспитанию каких-либо моральных качеств. Отсюда же проистекает и обще-социальный кризис, поскольку люди оказываются атомизированы в рамках одного общества, зажаты узостью полученного ими образования и не способны транслировать другим членам сообщества какие-либо ценности кроме эгоизма или, что ещё хуже – обесценивания социальных норм. Выход из сложившейся ситуации бостонцы видят в пересмотре принципов образовательного процесса и так же предлагают обратить взор на конфуцианские представления.

Однако они далеки от идеи простого переноса конфуцианской модели на западную почву, более того, они выступают против такого способа приобщения к конфуцианской философской традиции, так как это могло привести к поверхностному пониманию ее оснований. Вместо этого они обращаются к истории высшего образования на Западе и в целом к существовавшим моделям образования. Среди всех прочих, они останавливают свой выбор на модели Либерального образования, которое, например, по мнению Ду Вэймина, выступает в качестве хорошей базы для восприятия конфуцианской традиции. В частности, такая модель образования в основе своей ставит тезис о личностном развитии каждого студента, что более чем коррелируется с философскими воззрениями бостонских ученых.

Принцип «учиться на благо себя» является одной из самых главных потребностей нашей человеческой жизни, так как из знаний и навыков складывается наша дальнейшая жизнь и наш Дао-путь. При этом у нас есть естественные установки, возможности, благодаря которым мы в принципе способны познавать мир и окружающую действительность. Возможно, конкретно на этом примере Ду Вэймин предпринимает попытки одновременно систематизировать конфуцианскую философскую традицию, слегка «озападнив» ее для более полного понимания ее оснований, и «навести мосты» в диалоге с Западом.

Третий параграф «Экология как гармонизация взаимоотношений человека в системе "Человек-Мир"» посвящен проблеме экологии.

Проблема экологии является насущной по многим причинам, будь то внешние, связанные с «откликом природы» на последствия деятельности человека (смена климатических условий, загрязненность водоемов, массовое вымирание видов растений и животных), либо внутренние, непосредственно касающиеся духовного и телесного состояния человека («омоложение» онкологических и иных хронических заболеваний, психического здоровья и общего самочувствия в целом).

Конфуцианская этика в своей основе включает достаточно простую для понимания, но сложную для выполнения цель: становление человека всегда сопряжено с его трансформацией: психологической, физиологической, эмоциональной, интеллектуальной, духовной и т. д. И эта мысль «красной нитью» проходит через все философские построения Ду Вэймина и относительно образования, и относительно отношения к миру, ведь экологическую сознательность необходимо также воспитывать.

Ду Вэймин критикует культурные установки Просвещения в первую очередь за «инструментальную рассудочность», которая механистически относится к природе как источнику неких материальных благ. Что же касается трактовки конфуцианского восприятия, то он отталкивается от понятий «сердца» и «сознания», использованных у Моу Цзунсяня. Ему в его воззрениях вторит Р.К. Невилл, отталкиваясь от той мысли, что «искренность» для него равна «единению

с миром», где пути чувственного восприятия и сознания, с одной стороны, и действия, совершаемые как в ближайшей, так и отдаленной перспективе, с другой стороны, были приведены под «гармонию Неба». Поэтому современному конфуцианству необходимо разработать дискурс о человеческой природе, который мог бы соотноситься с наукой и в то же время выражать классические мотивы.

Представляется, что культуру бережного отношения к окружающей среде, включая личностные ограничения в потреблении предоставляемого ею, необходимо формировать с раннего детства — в том числе и посредством гармонизации образов родной и неродной природы – тогда такое отношение войдет в сознание и практику человека в качестве устойчивого навыка. Несмотря на возможности, которые могут для нас быть открыты в рамках диалога культур и несмотря на попытки тесного взаимодействия, как упоминалось выше, должно пройти еще достаточно времени, чтобы возможно было бы в полной мере оценить плоды их трудов. Культуру бережного отношения к окружающей действительности необходимо культивировать с малых лет, внедрять в образовательную сферу на общегосударственном уровне – только в таком случае можно говорить о том, что это может войти в сонм «полезных привычек».

В Заключении подводятся итоги диссертационного исследования, намечаются перспективны дальнейшей разработки темы.

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ:

По теме диссертационного исследования автором опубликованы следующие работы:

а) в рецензируемых научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации:

1. *Черных В. И.* Категория «культивирования своего "Я"» и ее применение в модели либерального образования / Черных В. И. // Вестник РУДН. Серия: Философия. М.: Изд-во РУДН, №3, 2016. С. 119-123.

2. *Черных В. И.* Концепция личности в Бостонской школе нового конфуцианства. / Черных В. И. // Вестник РУДН. Серия: Философия. М.: Изд-во РУДН, №4, 2015. С. 199-209.

б) в научных публикациях, проиндексированных в базе Web of Science:

1. *Chernykh, V.I.* Boston Confucianism “Self-Cultivation” Concept as Socio-Cultural and Worldview Competency Tool in Liberal Arts’ Education. International Seminar on Education, Teaching, Business and Management (ISETBM, 2019). UK.: Francis Academic Press, 2019. P. 261-263.
2. *Chernykh, V.I.* New Approaches to the Concept of the Knowledge in Chinese Philosophy of the second Half of the Twentieth Century. / V. A. Kiselev, O. S. Nimenskaya, V. I. Chernykh // International Conference on Economic Development and Education Management (ICEDEM 2017). Advances in Social Science, Education and Humanities Research, vol. 107. Dalian: Atlantis Press, 2017. P. 373-375.
3. *Chernykh, V.I.* The Spiritual Crisis of Modernity and Tu Wei-Ming’S Concept of Self-Cultivation. / V. A. Kiselev, V.I. Chernykh // International Conference on Education, Language, Art and Inter-cultural Communication (ICELAIC 2017). Advances in Social Science, Education and Humanities Research, vol. 142. P. 606-608.

в иных изданиях:

1. *Черных В. И.* Прагматизм и семиотика как основа методологии Бостонской школы современного конфуцианства. / В. И. Черных // Пространство и Время. — 2016. — № 1-2(23-24). — С. 73—80. Стационарный сетевой адрес: 2226-7271prov_r_st1_2-23_24.2016.23.
2. *Черных В. И.* О конфуцианстве и христианстве в понимании Бостонской школы. [Электронный ресурс] / В. И. Черных // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. — 2017. — Т. 15. — Вып. 1: Studia studiosorum: успехи молодых исследователей — Стационарный сетевой адрес: 2227-9490e-aprov_r_ast15-1.2017.63.

Черных Варвара Игоревна
Трансформация конфуцианской традиции на рубеже XX-XXI вв.: философия
Бостонской школы

Диссертация посвящена исследованию представлений об основных конфуцианских понятиях на рубеже XX-XXI вв., а также трактовке этих понятий в русле философской концепции Бостонской школы современного конфуцианства.

Бостонские ученые ввели в оборот обновленный вариант конфуцианских понятий. В частности, понятие человеколюбия выступает как «межличностное взаимодействие» (human-relatedness), а также понятие «совершенствования своего "Я"» (Self-Cultivation) как английский аналог (*сю шэнь*, 修身), через призму западной философской мысли предлагается новая трактовка этих понятий. Используя в качестве основополагающей методологической базы методологию прагматизма в трех направлениях Ч. С. Пирса, Дж. Дьюи и А.Н. Уайтхеда, бостонские ученые утверждают, что современному конфуцианству необходимо разработать дискурс о человеческой природе, который мог бы соотноситься с наукой. При этом бостонские ученые предлагают культурный обмен, в частности, через создание такой системы образовательной деятельности, которая бы позволила, с одной стороны, воспринимать человека и его социокультурное «Я» как автономную единицу без привязки в его идентичности, с другой – учитывать все факторы, повлиявшие на его «взращивание» и воспитание.

Chernykh Varvara Igorevna
Transformation of the Confucian tradition at the turn of the XX-XXI centuries:
philosophy of the Boston school

The dissertation is devoted to the study of the main Confucian concepts' ideas at the turn of the XX-XXI centuries, as well as the interpretation of these concepts in terms of the philosophical concepts of the Boston school of modern Confucianism.

Boston Confucians have reintroduced an updated version of Confucian concepts, which is successfully used in the works of foreign colleagues in the English-speaking world. In particular, the concept of humanity acts as human-relatedness, as well as the concept of "Self-Cultivation" as an English counterpart of *hsiu shen* (修身), offering the renewed interpretation of these concepts via the Western philosophical thought. Using the methodology of pragmatism as a fundamental methodological basis in three directions – C.S. Peirce's theory of signs, J. Dewey's instrumentalism (partly) and A. N. Whiteheadian interpretations of human experience, Boston scholars argue that modern Confucianism needs to develop a discourse about human nature that can relate both to science and sociocultural spheres of human life. At the same time Boston scientists suggest that cultural exchange, in particular, through the creation of an extended educational system that would allow, on the one hand, to perceive a person and his sociocultural "Self" as an autonomous unit without reference to his identity, on the other – to take into account all the factors that influenced his "cultivation" and upbringing, from religious views to the overall worldview.